

1

Будем знакомы

(Когда знакомишься, надо представиться)

Селестина: Здравствуйте. Меня зовут Селестина. Я мышь. «Маленькая мышка», как обычно говорят. Вы замечали, что всегда говорят «мышка»? Когда не боятся, конечно. А когда боятся, то показывают на тебя пальцем и вопят: «Мышь! Мышь!» Вопят так, будто медведя у себя в ванной увидели.

И гоняются за тобой с веником. Ну то есть те, кто похрабрее... Другие вскакивают на стул и вопят уже оттуда: «Мышь! Мышь!»

Но когда не боятся и говорят про тебя за глаза, всегда говорят «мышка». Особенно если рассказывают сказку. «Жила-была маленькая мышка...» Это чушь, потому что мыши — они как все: бывают маленькие, бывают большие, бывают средние; всякая мышь вначале совсем малютка, потом растёт, и дожить свой век может старой-престарой, без единого зуба и вся в ревматизме. Так вот, я — Селестина, мышь как мышь.

Эрнест: Здравствуйте. Меня зовут Эрнест. Я медведь. «Толстый мишка», как обычно говорят. Вы замечали, что всегда говорят «мишка»? Когда не боятся, конечно. Когда боятся, если, например, встретят тебя в лесу, тогда показывают на тебя пальцем и орут: «Медведь! Медведь!» — так истошно, будто целую орду мышей у себя в кухне увидели. И удирают со всех ног. Ну то есть те, которые не злые. Потому что другие — те в тебя стреляют из ружья. Да, вот именно, из ружья! Но когда про тебя говорят за глаза, всегда говорят «мишка». Особенно если рассказывают сказку: «Жил-был толстый мишка...» Это чушь, потому что медведи — они как все: бывают толстые, бывают тощие, бывают ни толстые, ни тощие. Вот я — медведь не толстый и не тощий. Ну то есть под конец зимы тощаю (с голоду), а к концу лета толстею (отъедаюсь). А, и ещё: я никакой не мишка, я же не плюшевый. Нет, я — Эрнест, медведь как медведь.

Автор: Здравствуйте. Я Автор. Тот, кто рассказывает эту историю. Я хочу рассказать вам историю Эрнеста и Селестины. Свет не видывал такой крепкой дружбы, как у Эрнеста и Селестины, но они почти никогда не соглашаются друг с другом. Если бы они сами рассказывали эту историю, никто бы

ничего не понял. Хотите убедиться? Достаточно задать им хотя бы такой вопрос: Эрнест, Селестина, как вы познакомились?

Селестина: В помойке.

Эрнест: Правда!

Селестина: Я сидела в помойном баке, дело было утром, Эрнест открыл крышку, увидел меня и хотел съесть.

Эрнест: Неправда!

Селестина: Разве ты не хотел меня съесть?

Эрнест: Я только сделал вид. В шутку!

Селестина: Ну конечно, в шутку! Ещё как серьёз! Если бы я тебе не вправила мозги, ты бы меня живьём проглотил!

Эрнест: Вот уж нет! Ни один медведь не ест мышей!

Селестина: Медведь, когда голодный, ест всё что ни попадя!

Эрнест: Я в жизни ни одной мыши не съел, Селестина! И уж никак бы не стал начинать с тебя!

Селестина: В то утро ты был такой голодный, что проглотил бы какую угодно мышью!

Эрнест: Ничего подобного!

Автор: Видите, лучше я буду рассказывать, а то мы никогда не сдвинемся с места.

2

Верхний мир и нижний мир

(Медведи и мыши)

В начале этой истории Эрнест и Селестина ещё не были знакомы. И это естественно. Селестина жила в нижнем мире, с другими мышами, а Эрнест жил в верхнем мире с другими медведями. Так уж оно повелось с незапамятных времён: внизу мир мышей, наверху мир медведей, и они друг с другом не водятся.

Но с незапамятных времён каждую ночь мыши надевают свои рюкзачки и идут отовариваться в верхний мир. Разумеется, не попадаясь на глаза и двигаясь как можно бесшумнее. Потому что если какой-нибудь медведь заметит у себя в доме мышью... О, если медведь заметит мышью, ужас что может произойти!

Мыши с зелёными рюкзачками приносят корочки хлеба, горошины, макаронины, конфеты, орешки, кусочки сахара, виноградины, обрезки сыра, вишни (когда они поспевают) — словом, всё, что нужно, чтобы прокормить нижний мир.

Мыши с красными рюкзачками приносят лоскутки, пуговицы от штанишек, застёжки-молнии, заколки, шнурки, нитки, шерстяную пряжу — словом, всё, что нужно, чтобы одеть нижний мир.

Мыши с серыми рюкзачками приносят гвозди, шурупы, кнопки, булавки, провода, изоленту, батарейки — всё, что нужно для благоустройства нижнего мира.

А мыши с белыми рюкзачками...

* * *

Селестина: Стоп, Автор! Сто-о-оп! Ты не имеешь права рассказывать, что носят в белых рюкзачках!

Это тайна! Только мышь может сказать, что носят в белых рюкзачках!

И то не всякая, а только та, которая сама с таким ходит!

Автор: Прямо как ты, Селестина, в начале этой истории?

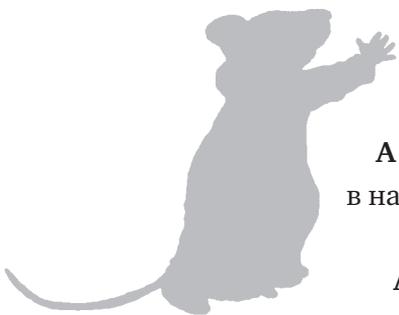
Селестина: Вот именно!

Автор: Тогда скажи! Что ты носила в своём белом рюкзачке?

Селестина: Не сейчас! Сначала надо рассказать, что было сначала.

Автор: Что было сначала?

Селестина: С чего началась вся история! Завязка, если тебе так больше нравится.

3

Что было сначала

(Надо же начать, в конце концов)

Началось всё с того, что у малыша Леона выпал первый молочный зуб. Кто такой малыш Леон? Малыш Леон — медвежонок, капризный сыночек Жоржа и Люсьены. Кто такие Жорж и Люсьена? Папа и мама малыша Леона, ясное дело! Жорж — здоровенный тёмно-бурый медведь, а Люсьена — кругленькая такая светло-бурая медведица. Жоржа вы, впрочем, знаете, у него кондитерская напротив школы, и он на переменах продаёт вам сладости. С Люсьеной вы познакомитесь позже, когда вырастете: через улицу от кондитерской она делает новенькие зубы, чтобы заменять ваши собственные, испорченные сладостями Жоржа.

Так вот, в ту ночь Селестина (с белым рюкзачком на спине) забралась в дом Жоржа, Люсьены и Леона. Она прокралась в спальню малыша Леона, спряталась в тапочке и принялась рисовать.

(Ах да! Я забыл сказать, что Селестина обожает рисовать. Левой рукой, потому что она левша.

С малых лет она рисует всё, что видит, и всё, что ей в голову взбредёт. Это её страсть. Больше всего на свете она любит рисовать и писать красками, только об этом и думает, только этим и занимается, только этим и живёт, и началась-то вся наша история из-за этой её страсти.)

Селестина рисовала Жоржа и Люсьену, которые в тот момент любовались зубиком, только что выпавшим у Леона.

— Смотри, — говорил Жорж, — у Леона выпал первый зубик!

— Прямо жемчужинка! — воскликнула Люсьена.

— И никаких следов сахара! — заметил Жорж.

— Вфо равно я пвохо выгляву бев вуба, — проворчал Леон из фвоей кровати (простите, из своей кровати).

— Не плачь, мой хороший, вот Мышка придёт... — сказала Люсьена.

— Какая мыфка? — спросил Леон.

— Сказочная Мышка, — объяснила Люсьена.

— Не флыхал про такую.

— Потому что у тебя ещё не выпадали зубки!

— Какое ей дело?

— То-то и оно, что дело, сынок! — воскликнул Жорж. — Твоя первая сделка, мой медвежоночек!

— Я положу твой зубик под подушку, — с улыбкой объяснила Люсьена, — и, пока ты спишь, Мышка положит вместо него денежку!

— Ботьфуо денекфу? — спросил Леон.
— Евро, — предположила Люсьена.
— Два, — заспорил Леон.
— Ладно, два, — согласился Жорж.
— Вфо равно это глупости, — заключил Леон, —
фкавочных мыфек не бывает!

Тут Селестина прыснула. На неё напал такой неудержимый смех, что всё её тельце сотрясалося. И она выронила карандаш.

«Тук!» — карандаш упал на пол.

— Что это стукнуло? — спросил Жорж, настораживаясь.

«ТЬфу ты!» — подосадовала про себя Селестина. Она забилась поглубже в тапочку, едва осмеливаясь дышать, и выждала некоторое время. Потом, решив, что опасность миновала, с превеликой осторожностью высунулась, чтобы подобрать свой карандаш.

— Мы-ы-ышь! — завопила Люсьена.

— Где? — взревел Жорж, хватаясь за веник.

— Та-а-ам! — вопила Люсьена.

«Шарах!» — обрушился веник на Селестину. Она едва успела отскочить в сторону. «Шарах! Шарах! Шарах!» — не унимался веник. Мимо! Мимо! Опять мимо! Селестина нырнула в тапочку и подхватила свой белый рюкзачок.

— Где она? Где? — вопрошал Жорж.

— В тапочке! — кричала Люсьена.

Веник расплющил тапку в лепёшку, но Селестина уже скрылась за лампой. Лампа разлетелась вдребезги, однако Селестина была уже под комодом. От комода остались одни щепки, а Селестина выскочила за дверь.

— В нашей спальне! Она в нашей спальне! — вопила Люсьена, стоя на стуле.

Спальня, гостиная, столовая — Жорж и его веник разнесли весь дом. Малыш Леон подпрыгивал в кровати:

— Давай! Круфы!

— В кухне! Она в кухне! — опять завопила Люсьена.

Так оно и было. Селестина выскочила в кухню. Но Жорж не отставал. Тогда Селестина просто-напросто выскочила в окно. Прыгнула не раздумывая, зажмурившись, и упала в открытый помойный бак.

И сжалась там в комочек, и сердце у неё так и колотилось, потому что Жорж тут же появился в дверях своего дома. С ружьём, представляете?

— Куда ты делась? — вопил Жорж. — Ну я тебя сейчас!..

— Тихо! — крикнул из окна какой-то сосед.

— Чего орёшь! — крикнул другой.

— Мешаете смотреть телик! — добавил третий.

— Где-е-е-е же ты-ы-ы? — полушёпотом пропел Жорж, на цыпочках обходя помойный бак с ружьём наизготовку. — Где-е-е ты-ы-ы? Пря-а-ачься

не пря-а-ачься, я тебя найду-у-у. А когда найду-у-у...
о, когда найду-у-у...

Селестине было так страшно, что она так и не решилась вылезти из помойного бака.

* * *

Селестина: Всё правильно, ты хорошо рассказываешь, Автор. Было так страшно, сердце так колотилось, что у меня не хватило духу вылезти из помойного бака. Это я сглупила, потому что очень скоро Жорж набил этот бак доверху! Всем, что он переломал у себя дома. Валил мешок за мешком — и как только меня не задавило! А последнее, что он выбросил в помойку, — знаешь, Автор, что это было?

Автор: Нет.

Селестина: Это был молочный зубик малыша Леона!

Автор: Неужели?

Селестина: Ну да! А я ведь за ним и приходила! Вот для чего служат наши белые рюкзачки! Забирать молочные зубы, которые выпадают у медвежат!

Автор: А, вот оно что. Понятно. А дальше?

Селестина: Дальше? Я поскорей убрала зуб в свой белый рюкзачок, Жорж закрыл бак крышкой, и я очутилась в кромешной тьме.

4

Что такое кромешная тьма для Селестины

(Сказка про Страшного Злого Медведя)

В кромешной тьме Селестине сразу стало вспоминаться всё плохое. Она вспомнила, как ещё совсем маленькой оказалась в приюте. (Приют — это место, где воспитываются мыши, которые остались без родителей. Таких много. Из-за мышеловок.) Селестина пыталась отогнать мрачные мысли, но они были сильнее её. Они заполнили всю темноту помойного бака.

Первым явилось воспоминание о Серой Грымзе — самое плохое! Серая Грымза была в приюте главной надзирательницей. Большая, старая и довольно противная серая мышь. С одним-единственным резцом во рту. Селестина от этой Грымзы натерпелась страху. Каждый вечер в дортуаре та рассказывала одну и ту же сказку. Делала вид, что выбирает... «Что бы такое рассказать вам сегодня, мои милые?» Но рассказывала всякий раз одно и то же — про Страшного Злого Медведя. Это была сказка про маленькую мышку, которая не верила в Страшного

Злого Медведя, и зря не верила, потому что в конце концов Страшный Злой Медведь съел её живьём!

Тут Серая Грымза злорадно усмехалась:

— Её братья, её сёстры, её родичи, её друзья, её подруги — все ей говорили: «Берегись Страшного Злого Медведя!» Но она никого не слушала, думала, она самая умная! И вот вам результат: ам! Съедена Страшным Злым Медведем.

Когда Серая Грымза рассказывала эту сказку, её огромная тень, как хищная птица, парила над кроватками мышат.

— Там, у нас над головой, ходит Страшный Злой Медведь! — зловеще ухала Грымза.

Мышата, дрожа, смотрели на потолок. Им казалось, что они слышат шаги Страшного Злого Медведя.

— А когда он голодный, — спрашивала Серая Грымза, — что он тогда ест, Страшный Злой Медведь?

— Он ест всё, что попадётся, — отвечали мышата, которые знали эту сказку наизусть.

— Абсолютно всё! — повторяла Серая Грымза, угрожающе подняв палец. — Мёд, рыбу, морковь, кукол, башмаки, телевизионные антенны, шоколад, масло, велосипедные шины, гвозди, цикорий, тесто, радиоприёмники — абсолютно всё! Но что из абсолютно всего особенно любит есть Страшный Злой Медведь?

— Мышку? — спрашивал чей-то дрожащий лосок.

— Мышку? — издевательски хихикала Грымза. — Десять! Двадцать! Тысячу мышек! Он ест их жареными, варёными, тушёными, в виде паштетов, в виде бутербродов, с гарниром, под соусом, в супе и даже сырыми!

— Сырыми? — не удержавшись, переспрашивала Селестина, съёживаясь в своей кровати.

— Сырыми и прямо живьём, с башмаками и рюкзачком!

Теперь Серая Грымза шипела как змея.

«Неправда, неправда! — твердила про себя Селестина. — Грымза просто нас пугает! Нет никакого Страшного Злого Медведя».

И всё-таки Селестина немножко в него верила, потому что была ещё маленькая, а малыши верят во многое такое, во что и не хочется верить, а приходится.

Сейчас, в темноте помойного бака, Селестина уже нисколечко в него не верила. Она была уже большая. Она знала, что медведи такие же, как все, — бывают злые, бывают добрые, бывают ни злые и ни добрые, но в одном она была уверена совершенно: нет никакого Страшного Злого Медведя! Засыпая, она всегда повторяла про себя: нет никакого Страшного Злого Медведя. Дураки вроде Жоржа — да, бывают, а вот Страшный Злой Медведь — нет... Но при этом какой-то чуть слышный внутренний голосок не давал ей покоя: «А что, если он всё-таки есть — Страшный Злой Медведь, вдруг он и вправду есть?»